

АЙРИС МЁРДОК

БЕГСТВО ОТ ВОЛШЕБНИКА

*ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА*

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М52

Серия «Эксклюзивная классика»

Iris Murdoch

THE FLIGHT FROM THE ENCHANTER

Перевод с английского *И. Трудолобовой*
Серийное оформление *А. Фереца, Е. Фереца*

Дизайн обложки *В. Воронина*

Печатается с разрешения Curtis Brown UK
и The Van Lear Agency.

Мёрдок, Айрис.

М52 Бегство от волшебника : [роман] / Айрис Мёрдок ;
[перевод с английского И. Трудолобовой]. — Москва :
Издательство АСТ, 2023. — 384 с. — (Эксклюзивная
классика).

ISBN 978-5-17-158462-7

Миша Фокс — неординарный человек, не то вообразивший себя магом, которому нравится играть людскими судьбами, не то на самом деле обладающий некой мистической властью над человеческими душами. Окружающие не в силах избавиться от его влияния и покорно повинуются всем манипуляциям, ведь стоит Фоксу коснуться одной из нитей, как в движение приходит весь кукольный театр живых марионеток.

Но так ли все это в действительности? Возможно, Миша Фокс — всего лишь удобный повод не контролировать собственную жизнь, опустить руки и плыть по течению? Возможно, зачарованные им люди придумали своего «волшебника»?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Iris Murdoch, 1956

© Перевод. И. Трудолобова, 2023

ISBN 978-5-17-158462-7

© Издание на русском языке AST Publishers, 2023

Глава 1

Была пятница, время приближалось к трем часам дня. И тут-то Анетта окончательно решила бросить школу. Урок итальянской литературы шел своим чередом. Громким, пронзительным голосом преподавательница читала двенадцатую песнь «Ада». Она как раз подошла к строкам о Минотавре. «Ад» Анетта не любила. Эта книга казалась ей жестокой и неприятной. Особенно строчки о Минотавре. За что бедняга Минотавр должен мучиться в пекле? Он ли виноват, что родился чудовищем? Тут Бог виноват. Минотавр метался от боли, описывает Данте, как бык, смертельно раненный секирой. «Посторонись, скот!» — угрожающе продекламировала преподавательница. Эта англичанка в молодости побывала во Флоренции и прослушала там курс итальянской культуры. Ну вот, Вергилий принялся оскорблять Минотавра. И терпение Анетты лопнуло. В этой школе учат одним глупостям, подумала она. Буду учиться самостоятельно. Вступлю в Школу Жизни. Анетта аккуратной стопкой сложила учебники и встала. Потом прошла через класс и важно кивнула преподавательнице, которая, прервав чтение, неодобрительно смотрела на ученицу.

Анетта вышла и тихо закрыла за собой дверь. И вот она уже снаружи, в устланном коврами коридоре. Ну до чего же все просто! Давно бы решиться. От радостного удивления Анетта просто рассмеялась. Она вприпрыжку пробежала по коридору, потревожив стоящую на подставке элегантную цветочную вазу, и спустилась в гардеробную. Как раз пробило три.

Колледж Рингхолл, дорогостоящее высшее учебное заведение в районе Кенсингтона, брался обучать юных девиц тем наукам, которые им были необходимы для того, чтобы поймать мужа в один, ну, в худшем случае, два светских сезона. Дальновидные мамы из слоев общества, откуда Рингхолл набирал своих учениц, были совсем не так богаты, как показывали на людях, и поэтому желали быстрых результатов. Школа бралась за дело со всей серьезностью, как за военную операцию. Анетта поступила в Рингхолл месяцев шесть назад. Ее отец, дипломат, хотел, чтобы дочь «дебютировала» в лондонском свете, и считал, что краткое пребывание в заведении вроде Рингхолла поможет воспитать в его «бродяге без роду и племени», как он называл дочь, манеры английской леди. Это время должно было, по мнению Анеттино отца, стать необходимой, а может быть, и завершающей частью ее воспитания. Самому Эндрю Кокейну, покинувшему Англию в возрасте двадцати трех лет, лондонская жизнь казалась, хотя в этом он ни в коем случае не признался бы, утомительной и скучной. Тем не менее он позаботился определить своего сына именно в ту привилегированную частную лондонскую школу, которую сам в свое время окончил. Образование дочери считалось вопросом менее важным; училась она

*un peu partout*¹ и успела изучить четыре языка и кое-что еще; но, с отцовской точки зрения, своего «пика» учение Анетты должно было достигнуть не где-нибудь, а именно в Лондоне. Мать Анетты, по национальности швейцарка, лишь руками развела и со всем согласилась; а если у нее и были какие-то сомнения, то она их оставила при себе.

Анетте вскоре должно было исполниться девятнадцать. В отношении Рингхолла она не сомневалась ни минуты: невзлюбила его сразу. К соученицам относилась сочувственно-презрительно, а к учителям — исключительно презрительно. Директрису, мисс Уолпол, ненавидела всей душой и без всякого повода, хотя мисс Уолпол ничего плохого ей не сделала и вообще, кажется, ее не замечала. Такого чувства беспричинной ненависти Анетта прежде ни к кому не испытывала и поэтому даже начала им гордиться как неким, как она считала, признаком зрелости. Против того, чему ее в Рингхолле пытались научить, она боролась с неизменным упорством, дав клятву самой себе, что ни одна из рингхолльских благоглупостей не найдет даже временного пристанища в ее уме и памяти. При первой возможности она в классе или углублялась в интересную книжку, или начинала писать письмо. А если такой возможности не было, погружалась в приятные мечты или в не менее приятное оцепенение. Чтобы его достичь, требовалось прежде приоткрыть рот и сосредоточить все внимание на каком-нибудь предмете, находящемся вблизи. Смотреть пристально, до полного остекления глаз, до абсолютной пустоты в мозгу. Но вскоре от этого развле-

¹ Всеуму понемногу (фр.).

чения Анетта решила отказаться. Она начала опасаться, но не того, что преподаватели, наблюдая за ней, в конце концов сочтут ее слабоумной (о, это как раз было бы забавно!). Нет, она боялась, что под влиянием самовнушения однажды действительно заснет на уроке, а это уж ей было ни к чему.

Анетта надела пальто и уже собралась выйти на улицу. Но здесь, у двери, она вдруг остановилась. Повернулась и оглядела коридор. Вроде все на своих местах: вазы с цветами, акварельные репродукции знаменитых картин на стенах, обожаемый завиток беломраморной лестницы. Анетта старательно всматривалась в эти предметы. Такие, как прежде, и вместе с тем... появилось во всем что-то новое. Она чувствовала себя так, будто прошла сквозь зеркало. И ей вдруг стало ясно — она свободна! Размышляя, почти с трепетом, над той легкостью, с которой была достигнута эта свобода, Анетта поняла, что Рингхолл наконец преподавал ей важнейший свой урок. Она пошла по коридору назад, по пути заглядывая в пустые помещения, касаясь пальцами предметов, и ей верилось, что за знакомыми дверьми могут оказаться совсем незнакомые комнаты. Занимательное странствие привело ее в библиотеку.

Туда она вошла почти на цыпочках и обнаружила, что эта комната, как всегда, пуста. Вокруг было тихо. И, глядя на стеллажи, Анетта постепенно начала воображать, что это не просто библиотека, а книгохранилище в разбомбленном городе. И книги теперь никому не нужны. Никто за ними не явится. Пройдет время, стены окончательно разрушатся. И под струями дождя книги начнут погибать. Так почему бы не взять одну или даже две в виде сувенира? Тома

в библиотеке колледжа стояли как попало, на них не было даже штампов. Анетта обследовала несколько полок. Пусть книги никто не позаботился упорядочить, зато они были как новенькие: чтение в Рингхолле среди популярных развлечений не числилось. Остановив свой выбор на оправленных в солидную кожу «Избранных поэмах» Браунинга, Анетта с томом под мышкой покинула библиотеку. Она чувствовала себя настолько счастливой, что готова была запеть. И запела бы, если бы не боялась разрушить то хрупкое очарование, которое словно магическим покровом окутало сейчас все вокруг и приказывало хранить молчание. С видом победителя Анетта огляделась по сторонам. Рингхолл теперь в ее власти!

Было два поступка, которые Анетта задумала совершить в тот самый день, когда оказалась в стенах школы. Первый — нацарапать собственное имя на бюсте Гринлинга Гиббонса¹, стоящем в общей комнате. Деревянный Гринлинг взирал на окружающих так важно, так напыщенно, что у Анетты просто руки чесались провести по нему ножиком... Податливое дерево так к себе и манило. Но когда дошло до дела, ей пришлось распрощаться со своим замыслом. И не потому, что уважение к славному имени вдруг проснулось в ней, нет, причина была иная — перочинный ножик куда-то запропастился. И второе — ей всегда хотелось покачаться на люстре, висящей в столовой. Анетта тут же направилась в столовую. Столы и стулья влачили там свое одинокое существование и, когда она ворвалась, встретили ее осуждающим

¹ Гиббонс, Гринлинг (1648–1721) — английский скульптор.

молчанием. Анетта задрала голову — и сердце в груди у нее подпрыгнуло, как мячик. Люстра казалась огромной и висела как будто в поднебесье. Все это Анетта успела отметить раньше, когда внимательно изучала этот предмет. Учла она и наличие толстой металлической перекладины посреди люстры, за которую вполне можно ухватиться руками. Перекладина со всех сторон была обвешана крохотными хрустальными капельками; в каждой из них горела искорка чистого света, словно резвая волна расплескалась на бегу и брызги полетели вверх, да так и замерли навсегда под лучами солнца. Анетта предвкушала, что если удастся раскачать люстру, то музыка, скрытая в хрустальных подвесках, оживет, зазвенит колокольчиками. Мечты мечтами, но теперь она видела, что план осуществить будет не так-то просто.

В своих фантазиях Анетта всегда достигала люстры великолепным подскоком с *Большого Стола*¹, но теперь поняла, что так вряд ли получится. Исполненная решимости, она вцепилась в один из столов и потащила его на середину комнаты. Потом водрузила на него стул. После чего начала взбираться. Но даже еще не поднявшись на стул, а только на стол, Анетта почувствовала, что земля как-то неприятно отдалилась. Она ведь страдала боязнью высоты. И все же, внутренне сосредоточившись, Анетта встала на стул. И вот здесь, поднявшись на цыпочки, она и ухватила за перекладину. Затем, замерев на мгновение, решительным движением ноги отбросила стул и повисла, вытянувшись между небом и землей. Еще несколько секунд

¹ Большой Стол — обеденный стол для преподавателей колледжа.

с тревогой ждала характерного звука отрывающейся от потолка цепи, но, к счастью, цепь оказалась крепкой, да и Анетта была легкой как перышко.

Скомандовав самой себе: «пятки вместе, носки врозь», она движением от бедра начала раскачиваться, неторопливо, задумчиво, туда-сюда, туда-сюда. И люстра действительно зазвенела, но не оглушительно, как ожидала Анетта, а очень высоким и нежным перезвоном; и ничего удивительного: какого же звучания можно ожидать от морской волны, остановленной и превращенной в стекло? Именно такого хрупкого, похожего на тончайшую смесь звука и воздуха. Анетта была просто заморожена и этим перезвоном, и ритмом собственного движения. Постепенно она погрузилась в некий транс и, раскачиваясь, принялась воображать, как останется здесь до самого обеда, до того часа, когда обительницы Рингхолла потянутся гуськом в столовую; вот они входят, чинно рассаживаются вокруг стола, вокруг ее болтающихся ног, обращая на нее внимания не больше, чем на какой-нибудь предмет обстановки...

В эту минуту дверь отворилась и вошла мисс Уолпол. Анетта от неожиданности разжала руки и, минуя стол, грохнулась прямо к ногам директрисы. Мисс Уолпол глядела на свою воспитанницу, слегка нахмурившись. Эта дама никак не могла решить для себя один вопрос: кто ей больше не по душе — созревающие девицы или маленькие дети. От последних, несомненно, шума куда больше, но верно и то, что справиться с ними зачастую куда легче.

— Встаньте, мисс Кокейн, — с усталым вздохом обратилась она к Анетте. Она всегда вздыхала, когда говорила, словно собеседник ее утомлял. Мисс Уол-

пол никогда ни о чем особо не заботилась, потому ее, в сущности, ничто не могло удивить. И вот это спокойное равнодушие как раз и обеспечило ей репутацию уважаемой директрисы.

Анетта встала, потирая ушибленное место. Ударилась она довольно чувствительно, но все же повернулась, поправила стол, подняла валяющийся набок стул. Потом, взяв в руки пальто, портфель и том Браунинга, посмотрела на мисс Уолпол.

— Что вы здесь делали, мисс Кокейн? — со вздохом спросила мисс Уолпол.

— Раскачивалась на люстре, — ответила Анетта. Она несколько не оробела перед директрисой, чьи притязания на моральное и интеллектуальное превосходство давным-давно считала тщетными.

— Зачем? — вновь спросила мисс Уолпол.

Анетта не знала, как ответить на этот вопрос, и поэтому прибегла к надежнейшему способу сокращения любого неприятного разговора — с готовностью произнесла:

— Я чрезвычайно сожалею о своем поступке. — И добавила: — Я решила оставить колледж.

— Позволено ли мне будет опять поинтересоваться: почему? — спросила директриса.

Она отличалась чрезвычайно высоким ростом, что, возможно, было косвенной причиной ее успешной карьеры; и хотя Анетта тоже была далеко не коротышкой, ей, чтобы взглянуть мисс Уолпол в глаза, пришлось бы запрокинуть голову. Желая выглядеть достойно, Анетта начала потихоньку отступать, чтобы сделать линию между ее глазами и глазами мисс Уолпол горизонтальной. Но в то время как она отступала, директриса, словно толкаемая сзади невидимой

силой, приближалась, так что волей-неволей Анетте все же пришлось смотреть снизу вверх.

— Все, что я могла здесь узнать, я уже узнала, — сказала Анетта. — Теперь я буду учиться самостоятельно. Вступлю в Школу Жизни.

— Что касается вашего мнения, что вы здесь изучили все, то это чистейшее заблуждение, — возразила мисс Уолпол. — Стиль ваших развлечений определенно континентальный, и, как я уже имела возможность на днях заметить, по лестнице вы поднимаетесь по-прежнему совершенно неправильно.

— Я хотела сказать: всему, что я считаю важным для себя, я уже научилась, — пояснила Анетта.

— Кто внушил вам мысль, что в школе можно научиться чему-либо важному? — снова вздохнула мисс Уолпол. — Я полагаю, вы понимаете, — продолжила она, — что ваши родители внесли плату за обучение и стол до конца учебного года и о возврате этой суммы не может быть и речи?

— Ничего страшного, — ответила Анетта.

— Завидую легкости, с которой вы делаете подобные заявления, — сказала мисс Уолпол. — Что касается того института, который вы назвали Школой Жизни, то, если позволите мне такую дерзость, достаточно ли вы опытни, чтобы черпать из нее знания? Кстати, а это что такое? — и она указала на том Браунинга, который Анетта как раз засовывала в портфель.

— Это книга, которую я хотела бы оставить в дар библиотеке колледжа, — без запинки произнесла Анетта и протянула том директорисе. Та взяла его с некоторым сомнением.

— Красивый экземпляр, — сказала мисс Уолпол. — Мы вам благодарны.

— Я бы хотела, чтобы на книге появилась памятная надпись «Дар Анетты Кокейн». А теперь прощайте, мисс Уолпол.

— Всего хорошего, мисс Кокейн, — ответила директриса. — И помните: секрет всякого образования заключается в терпении; и любопытство — это не то же самое, что жажда знаний. Помните и то, что я всегда здесь.

Тут же решив все сказанное изгладить из памяти, Анетта попятилась к двери. Вихрем промчалась по лестнице и выскочила на улицу.

А там уж сразу же пустилась бегом. Но не потому, что хотела как можно быстрее удалиться от колледжа, а потому что всякий раз, когда чувствовала радость и волнение, просто не могла устоять на месте. Ее частенько видели устремленной вперед, едва касающейся земли, в кружении одежд, подобно богине Нике. Она носила две или три нижних юбки; и сейчас апрельский ветер подхватил их, и стройные ноги Анетты замелькали в этом калейдоскопе цветов. Дважды она уронила книжки и вынуждена была за ними вернуться. Трижды встречала что-то любопытное и шла задом наперед, пока оно не исчезало из виду. Возможности оглянуться Анетта не упускала никогда. Отец называл эту привычку ребячеством, а мисс Уолпол — отсутствием достоинства. Но ее брат Николас, которого она обожала больше всех на свете, говорил так: «Кто не оглядывается, тот упускает самое интересное». Ничего так не страшилось Николас и Анетта, как пропустить это «самое» интересное. Отец смеялся и упоминал Орфея и Лотову жену. «Я бы на их месте тоже оглянулась, — отвечала Анетта. — Самое важное происходит у нас за спиной». «Беда в том, — возражал отец, — что ты хочешь быть

сразу во всех местах. В один прекрасный день ты просто разлетишься на кусочки».

Начал накрапывать дождь. Пятясь, Анетта показалась из-за угла Квин-Гейт, по которой вдаль уходил какой-то чернокожий человек. Потом развернулась и побежала по Кенсингтон-Хай-стрит. Ей хотелось как можно скорее попасть домой, переодеться и оглушить новостью Розу.

— Теперь я сама себе хозяйка, — пробегая мимо «Баркера»¹, вслух произнесла Анетта. Да так громко, что две проходившие мимо дамы даже поглядели на нее с удивлением. Глаза Анетты были широко распахнуты, рот открыт, нижние юбки вращались, как карусель. Попытавшись по-жеребачьи брыкнуть ногой, она чуть не зарылась носом в землю.

Глава 2

Внизу с силой хлопнули дверью.

— У моей сестры дурные манеры, — сказал Хантер Кип.

Кальвина Блика сестра Хантера не интересовала. Она была уже далеко не юна, к тому же полновата. А Кальвина если и привлекали женщины, то исключительно длинноногие, бледные, изящные, с крохотными ступнями. Он присел на краешек стола, раскачивая ногами.

Хантера такая бесцеремонность разозлила.

— Обязательно сидеть на столе?

— Но где же еще здесь можно усесться? — с некоторым недоумением спросил Блик. И его вопрос

¹ «Баркер» — магазин в районе Кенсингтона.

был понятен. В комнате имелся всего лишь один стул, и тот был занят Хантером.

— На полу! — ответил Хантер.

Что ж, в этом тоже была доля правды. Кальвин опустился на пол и вытянулся там в позе каменного этруска, покоящегося на собственной могиле. Блик был долговязый, с бледными глазами, цвет которых вряд ли кому-либо удавалось запомнить.

— Непременно нужно лежать? — снова вспыхнул Хантер. Кальвин, растянувшийся на полу, раздражал его не меньше прежнего.

— На вас не угодишь, мистер Кип, — заметил тот. — Куда прикажете деваться?

— Можете прислониться к стене, — придумал Хантер. Кальвин сел и прислонился к стене.

— Грязновато у вас здесь, — поморщился он. — Смотрите, брюки все в пыли!

— У меня нет средств на уборщицу, — сказал Кип, — а Роза здесь не убирает. И вообще, она слишком занята на фабрике.

— Где? — удивился Кальвин.

— На фабрике, — повторил Хантер. — А вы не знали? И все оттого, что ее называли в честь Розы Люксембург. Поэтому жизнь у нее так и сложилась, — произнес он с горечью.

— О, не стоит так обобщать, — возразил Кальвин. — Возьмем, к примеру, меня. Несмотря на имя, у меня все складывается недурно.

— Жалкая, крохотная фабричка, — вздохнул Хантер. — Выпускает какие-то валики и распылители для краски. Как все это скучно.

— Зато полезно, — заметил Блик. — В наши дни мы все оказываемся втянутыми в процесс производ-

ства, как заметил Сен-Симон. Но почему ваша сестра решила поступить на фабрику?

— Хочет быть поближе к народу и сделать свою жизнь максимально бесцветной, — хмуро пояснил Хантер.

— Относительно бесцветности жизни замечу, что большинство из нас добивается этого без особых хлопот, — сказал Кальвин. Ему хотелось вернуть разговор к тому пункту, от которого Кип ускользал: — Скажите, издательство помещается именно здесь?

— Да, — ответил Хантер, — тут у нас офис.

— Тогда ничего удивительного, что у вас такой ничтожный тираж. Плохи ваши дела.

— У нас все в порядке.

— Да вы почти банкрот, — возразил Кальвин. — И я просто не понимаю, почему вы так упорно отвергаете мое предложение. Кроме меня, вашим убыточным издательством вряд ли кто заинтересуется.

Кальвин не знал, что и подумать. На всем протяжении разговора Хантер не то чтобы стоял на своем, а просто не проявлял интереса. И все время косил глазами, как лошадь, куда-то вбок. Самое интересное, что Блик знал наверняка: его визави человек слабохарактерный. Кальвин никак не ожидал такого упорства. И теперь страстно хотел узнать, откуда что взялось.

— Я не желаю продавать то, что вы называли «моим убыточным издательством», ни вам, ни кому-либо другому, вот и все, — произнес Хантер, отбросив назад свои длинные блондинистые волосы.

Ему исполнилось двадцать семь лет. И он относился к тому типу молодых людей, которых иногда именуют «хорошенькими мальчиками»: гладенькое личико и улыбка, то ли дерзкая, то ли жалобная. Он был